

АКАДЕМИЯ СЕРОГО ШПИЛЯ ЗАПРЕТНАЯ ПЕЧАТЬ

Данна Леднива

Данна Леднива

**Академия Серого Шпиля.
Запретная печать**

«Автор»

2026

Леднива Д.

Академия Серого Шпиля. Запретная печать / Д. Леднива —
«Автор», 2026

Семь лет Кайра Вэйн жила под чужим именем, прятала запрещённый дар и считала дни до того момента, когда сможет войти в академию Серый Шпиль и найти убийцу своей матери. Но у академии свои правила, у ректора Морта свои тайны, а у куратора боевого факультета Дариана Эшфолда свои причины следить за каждым первокурсником. Кайра носит Печать Разрушения, за которую в империи казнят, и каждый урок, каждый спарринг, каждый взгляд серых глаз Дариана приближает её к разоблачению. Но отступить невозможно, потому что в закрытой секции библиотеки спрятана правда о Печати Первородного, а в подземельях Шпиля горит знак, который Кайра видела на руке убийцы семь лет назад. Когда интрига, любовь и месть сходятся в одной точке, маскам приходит конец, и тогда уже неважно, кем ты притворялся, важно лишь то, кем ты готов стать, чтобы выжить.

© Леднива Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АКАДЕМИЯ СЕРОГО ШПИЛЯ. ЗАПРЕТНАЯ ПЕЧАТЬ	5
Глава 1. Пепел на ладонях	5
Глава 2. Первый ожог	10
Глава 3. Правила Серого Шпиля	15
Глава 4. Трещина в маске	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Данна Леднива

Академия Серого Шпиля.

Запретная печать

АКАДЕМИЯ СЕРОГО ШПИЛЯ.

ЗАПРЕТНАЯ ПЕЧАТЬ

Глава 1. Пепел на ладонях

Таверна «Хромая лисица» пахла прогорклым маслом, кислым элем и чьим-то давно не стираным плащом. Кайра Вэйн сидела в дальнем углу, спиной к стене, и смотрела на свои ладони так, будто они принадлежали другому человеку.

На левой, чуть выше запястья, тлел бледный рубец — след Печати, которую она выжгла сама, в четырнадцать лет, дрожащей рукой, в подвале чужого дома. Семь лет назад. Целую жизнь назад.

Она сжала пальцы в кулак. Рубец заныл.

За окном стемнело. До Серого Шпиля оставался день пути — полдня верхом, если не сворачивать на торговый тракт. Кайра не собиралась сворачивать. Чем меньше людей увидят её лицо до регистрации, тем лучше.

На столе перед ней лежали два документа. Первый — подлинный: свидетельство о рождении Кайры Вэйн, дочери Элианы Вэйн, Хранительницы Печатей, казнённой за государственную измену. Бумага пожелтела, чернила выцвели, но имя читалось отчётливо. Имя, за которое в империи Вальдрис давали петлю.

Второй документ был свежим, пах типографской краской и ложью. Гражданская грамота на имя Кайры Огневой, уроженки южной провинции Таль, дочери кузнеца и прачки. Маг Огня, второй уровень, без родословной и без прошлого. Кайра заплатила за эту грамоту три месячных заработка в портовых доках и половину того, что осталось от материнского наследства.

Она поднесла подлинное свидетельство к пламени свечи. Бумага вспыхнула не сразу — сперва почернели края, поползли бурые разводы, будто кровь проступала изнутри. Кайра смотрела, как горит её настоящее имя, и не чувствовала ничего. Ни жалости, ни страха. Только пустоту, ровную и гулкую, как брошенный колодец.

Пепел упал на столешницу. Она растёрла его пальцем.

Найди Печать Первородного, Кайра.

Голос матери — тихий, хриплый от дыма, торопливый. Семь лет назад. Ночь, когда всё кончилось.

Кайра закрыла глаза.

Вспышка. Всегда одна и та же.

Огонь лижет стропила. Балки трещат, как кости. Мать стоит в дверном проёме, за спиной — стена пламени, впереди — трое в чёрных плащах с вышитыми рунами на груди. Мать не кричит. Мать никогда не кричала. Она поворачивается к Кайре — маленькой, семилетней, забившейся под стол, — и её губы шевелятся. Не слова. Приказ. Обещание. Проклятие.

Найди Печать Первородного. Не доверяй тому, кто обещает свободу.

Потом мать поднимает руки, и руны на её коже вспыхивают белым, нестерпимым светом. Трое в чёрном отшатываются. Один падает. Второй хватается за лицо. Третий — тре-

тий остаётся стоять. И на его запястье, в отблеске пламени, Кайра видит знак: перечёркнутый круг, пронзённый вертикальной линией. Символ, который не принадлежит ни одному дому, ни одному ордену. Символ, которого не должно существовать.

А потом мать падает. И огонь пожирает всё.

Кайра открыла глаза. Свеча догорала. В таверне стало тихо — постояльцы разошлись по комнатам, трактирщик храпел за стойкой. Только ветер скрёбся в ставни, будто просился внутрь.

Она убрала пепел в карман. Подлинное свидетельство Кайры Вэйн перестало существовать. Осталась Кайра Огневая. Маг Огня, второй уровень. Никто. Ничья. Свободная.

Она допила остывший чай, поднялась и бросила на стол монету. Завтра — Серый Шпиль. Завтра начнётся то, ради чего она семь лет жила в чужих городах, под чужими именами, с чужим даром, выжженным на собственной коже.

Завтра она войдёт в академию, где учатся дети тех, кто отдал приказ убить её мать. И найдёт того, кто этот приказ подписал.

Кайра задула свечу. Темнота сомкнулась над ней, тёплая и безразличная.

Серый Шпиль вырос из тумана внезапно, как клинок из ножен.

Кайра увидела его за последним поворотом дороги и невольно остановила лошадь. Она знала, как выглядит академия, — видела гравюры, читала описания, расспрашивала бывших студентов в портовых кабаках. Но ни одна картинка, ни один пьяный рассказ не передавали того, что открывалось глазам вживую.

Пять башен из чёрного камня, каждая высотой с императорский собор, уходили в низкое октябрьское небо. Камень не блестел, не отражал свет — он поглощал его, и оттого башни казались прорехами в ткани мира, дырами, через которые сочилась тьма. Между башнями тянулись переходы, мосты и галереи, оплетённые живыми рунами: символы ползли по стенам, как светлячки, перетекали с камня на камень, складывались в узоры и распадались, чтобы собраться вновь.

У подножия Шпиля раскинулся городок — дома преподавателей, лавки, конюшни, трактиры для приезжих. Но Кайра смотрела не на него. Она смотрела на ворота: две створки из того же чёрного камня, высотой в три человеческих роста, испещрённые рунами так густо, что камня почти не было видно. Ворота были распахнуты. За ними начиналась дорога, вымощенная серой плиткой, и по этой дороге шли люди. Десятки. Сотни. Студенты, родители, слуги, торговцы — весь тот живой, шумный, пёстрый поток, который дважды в год вливался в академию и выливался из неё.

Кайра спешила. Привязала лошадь к коновязи у въезда. Подхватила дорожную сумку — одну, единственную, с двумя сменами белья, запасной рубашкой, флаконом чернил и дневником матери, завернутым в промасленную ткань. Всё её имущество. Всё, что осталось от Элианы Вэйн.

Поток подхватил её. Кайра шагнула в ворота.

Внутри воздух был другим. Гуще. Теплее. Он пах озоном и жжёным сахаром — запах активной магии, который Кайра помнила с детства. Руны на стенах пульсировали ровным голубоватым светом, и от этого пульса по коже бежали мурашки. Её собственная Печать — та, что она выжгла себе в четырнадцать, — отзывалась тупой болью, будто кто-то коснулся старого ожога.

Спокойно. Ты Кайра Огневая. Маг Огня. Второго уровня. Ничего особенного.

Ритуал Приёма проходил в центральном зале — огромном, круглом, с потолком, терявшимся во мраке. Сотни новичков стояли в очередях перед длинным столом, за которым сидели трое экзаменаторов в серых мантиях. Кайра встала в хвост. Впереди — сорок, может, пятьдесят человек. Девушки и юноши, кто в дорожных плащах, кто уже в форменных накидках,

купленных заранее. Кто-то нервничал, переминался с ноги на ногу. Кто-то болтал, смеялся, толкал соседей локтем. Обычные. Живые. Не обременённые тем, что несла в себе Кайра.

Очередь двигалась медленно. Кайра слушала обрывки разговоров.

— Говорят, в этом году Турнир Трёх Печатей будет с новым этапом...

— Мой дядя окончил Шпиль тридцать лет назад, говорит, раньше руны на стенах не двигались...

— А правда, что ректор Морт сам проводит собеседование с первокурсниками?

Морт. Кайра стиснула зубы. Она знала это имя. Знала семь лет. Знала с той ночи, когда огонь сожрал её дом. Но тогда оно звучало иначе. Тогда оно было подписью под приказом. Строчкой в документе, который она нашла в пепле, на следующий день, когда вернулась за телом матери.

Ректор Сельвин Морт. По поручению Короны.

Очередь дошла до неё. Экзаменатор — сухощекий мужчина с седыми висками и Печатью Ветра на скуле — протянул руку:

— Документы.

Кайра вложила в его ладонь гражданскую грамоту. Мужчина скользнул взглядом по строкам, хмыкнул.

— Кайра Огневая. Таль. Маг Огня, второй уровень. — Он поднял глаза. — Подтверждение дара. Руку.

Кайра протянула правую ладонь. Экзаменатор коснулся её запястья кончиками пальцев, и Кайра почувствовала, как его магия — лёгкая, колючая, как статический разряд, — скользнула по её Печати.

Вот здесь. Здесь была опасность. Её Печать не была Печатью Огня. Она была Печатью Разрушения — запретной, невозможной, караемой. Кайра выжгла её сама, в четырнадцать лет, по описанию из дневника матери, и с тех пор научилась маскировать: натягивать поверх истинного рисунка тонкую плёнку чужой магии, имитацию, фальшивку. Слой Огня поверх Разрушения. Как штукатурка поверх трещины.

Но штукатурка была тонкой. И если экзаменатор надавит сильнее...

Он надавил. Кайра почувствовала, как его магия царапнула по плёнке, скользнула глубже. На мгновение — на одно короткое, бесконечное мгновение — ей показалось, что он почувствовал. Что плёнка лопнула. Что под Огнём проступила чёрная, зубчатая, голодная пустота Разрушения.

Экзаменатор нахмурился. Убрал руку. Посмотрел на Кайру долгим, цепким взглядом.

— Нестабильная Печать, — произнёс он наконец. — Для второго уровня допустимо. Но рекомендую обратиться к целителю в первую неделю. Следующий.

Кайра забрала грамоту. Пальцы дрожали. Она сунула руки в карманы и пошла прочь от стола, не оглядываясь.

Спокойно. Ты прошла. Ты внутри.

Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышен всей очереди.

Коридоры Серого Шпиля были устроены по логике, недоступной обычному разуму. Кайра шла по направлению к жилому крылу, сверяясь с выданной у входа схемой, и дважды упиралась в тупик там, где на бумаге значился проход. Руны на стенах мерцали, перестраивались, и лестницы вели то вверх, то вниз, то вбок, в стороны, не предусмотренные архитектурой.

Она свернула за угол — и врезалась в стену.

Нет. Не в стену. В человека.

Кайра отлетела назад, сумка выскользнула из рук, бумаги рассыпались по каменному полу. Она подняла голову и увидела мужчину. Высокого, широкоплечего, в тёмно-сером мундире с серебряными рунами на вороте. Тёмные волосы, коротко стриженные. Резкие скулы.

Глаза цвета остывшего пепла — серые, с чуть заметным серебристым отливом. И Печать на правой руке, видимая из-под закатанного рукава: сложный, многослойный узор, от которого веяло силой, как от кузнечного горна.

Печать Крови. Высший боевой тип. Таких в академии было от силы человек десять.

Мужчина смотрел на неё сверху вниз. Не с раздражением. Не с насмешкой. С вниманием. Пристальным, хирургическим, будто препарировал.

— Смотреть нужно туда, куда идёшь, — сказал он. Голос был ровный, низкий, без тени извинения.

Кайра присела, торопливо собирая бумаги. Пальцы наткнулись на его руку — он тоже потянулся за выпавшей схемой. Кожа коснулась кожи.

И Кайра почувствовала, как его Печать дёрнулась. Еле заметно, на долю секунды, но она почувствовала. Будто его магия лизнула её запястье, попробовала на вкус. И замерла.

Мужчина тоже замер. Его пальцы, державшие край схемы, побелели. Он медленно поднял глаза.

— Что у тебя с Печатью? — спросил он. Тихо. Без агрессии. Но так, что Кайра почувствовала: это не вопрос. Это требование.

— Нестабильная, — ответила она. Слова экзаменатора. Готовые, безопасные. — Второй уровень Огня. Экзаменатор сказал обратиться к целителю.

Мужчина молчал. Смотрел. Кайра видела, как шевельнулась его мысль, как сошлись брови на переносице. Он не поверил. Не поверил, но не мог доказать. Не сейчас. Не здесь. Не в коридоре, где мимо них текли студенты и преподаватели.

Он выпрямился. Протянул ей схему — Кайра взяла, стараясь не коснуться его пальцев.

— Я куратор боевого факультета, — сказал он. — Дариан Эшфолд. Каждый первокурсник проходит через мой смотр в первую неделю. — Пауза. Глаза — серые, холодные, внимательные. — Я слежу за каждым новичком. За каждым. Понимаешь?

Кайра кивнула.

— Тогда иди. И не врежайся в стены.

Он развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Мундир обтягивал широкие плечи, руны на вороте тускло поблёскивали. Кайра смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

Дариан Эшфолд. Куратор боевого факультета. Печать Крови.

Она не знала этого имени. Не встречала его в документах, не слышала в разговорах. Но что-то в его взгляде — в том, как он смотрел на её запястье, — заставило желудок сжаться.

Он почувствовал. Не понял, не разгадал. Но почувствовал неладное.

Кайра сунула схему в карман и пошла дальше. Быстрее. Не оглядываясь.

Комната оказалась на четвёртом этаже восточной башни. Узкая, с одним окном, двумя кроватями, двумя столами и шкафом, который, казалось, помнил времена первого императора. Стены из того же чёрного камня, но здесь руны были тусклыми, почти спящими — жилое крыло, магия на минимуме, чтобы не мешать спать.

Соседка уже была. Сидела на кровати у окна, поджав ноги, и читала. Услышав скрип двери, подняла голову.

— О! Ты, значит, моя вторая половина. — Девушка улыбнулась. Широко, открыто, без тени настороженности. Круглое лицо, рыжие кудри, веснушки на носу. Печать на предплечье — голубые, текучие линии. Маг Воды. — Лира Солт. А ты?

— Кайра, — сказала Кайра. И, помедлив долю секунды: — Огневая.

— Кайра Огневая, — повторила Лира, будто пробуя имя на вкус. — Красиво. Я из Тальмары, с побережья. А ты откуда?

— Из Таля. Юг.

— О, мы почти землячки! Таль и Тальмара — один регион, считай. — Лира захлопнула книгу, прыгнула с кровати. — Слушай, тут столовая на втором этаже западной башни, и, говорят, по средам дают пирог с ягодами. А ещё в библиотеке есть закрытая секция, но туда только со второго курса пускают. А ещё...

Она говорила. Много, быстро, перескакивая с темы на тему. Кайра раскладывала вещи, слушала вполуха, кивала. Лира была тёплой, живой, неопасной. Из тех, кто заполняет тишину, потому что тишина пугает.

Когда Лира наконец выдохлась и ушла в душевую, Кайра закрыла дверь на щеколду. Подошла к окну. Стекло было мутным, в свинцовых переплётах. За ним — ночь, туман, силуэты башен.

Она закатала левый рукав.

Печать была на месте. Но трещина — та самая, что появилась три месяца назад, когда она использовала дар в портовой драке, — стала шире. Тонкая чёрная линия, как волосок, пересекала узор поперёк. Кайра провела по ней кончиком пальца. Боль. Тупая, глубокая, как зубная.

Каждое использование дара расширяло трещину. Когда-нибудь трещина расколёт Печать целиком. И тогда — всё. Конец. Не смерть, нет. Хуже. Маг с расколотой Печатью не умирает. Он перестаёт быть собой. Разум, воля, память — всё утекает через разлом, как вода через треснувшую чашу.

Кайра опустила рукав. Застегнула манжету.

Ещё три раза. Может, четыре. Потом нужно остановиться.

Она отвернулась от окна. И замерла.

Внизу, у подножия башни, в свете одинокого фонаря, стояли двое. Один — высокий, в длинной серой мантии. Седой. Прямой, как жердь. Ректор Морт. Кайра узнала его по гравюрам, по описаниям, по тому, как он держал руки за спиной, — жест, который не менялся за семь лет.

Второй — в чёрном плаще, с маской на лице. Низкий, коренастый. Невысокого роста, но широкий в плечах. Он стоял чуть позади Морта, полубоком, и Кайра видела только его правую руку.

На запястье незнакомца, в тусклом свете фонаря, тлел знак.

Перечёркнутый круг. Вертикальная линия.

Кайра перестала дышать.

Тот самый символ. Тот самый, что она видела семь лет назад на руке человека, стоявшего над телом её матери. Символ, которого не существовало. Которого не должно было быть.

Морт повернулся к незнакомцу, сказал что-то — слов было не слышно за стеклом и ветром. Потом ректор достал из-под мантии ключ, длинный, ржавый, и вставил его в замочную скважину у основания башни. Дверь, невидимая снизу, но очевидная по движению камня, отворилась. Морт и незнакомец шагнули внутрь. Камень сомкнулся.

Кайра стояла у окна. Не дышала. Не моргала. Пальцы впились в подоконник так, что побелели костяшки.

Он здесь. В академии. Тот, кого я ищу. Или тот, кто ему служит.

И ректор Морт открывает ему дверь.

Трещина на Печати заныла. Кайра не обратила внимания.

Она смотрела на то место, где сомкнулся камень, и думала: *Семь лет. Семь лет я ждала. И вот ты. Здесь. В одном здании со мной.*

За стеной шумела вода — Лира в душевой. Пела что-то весёлое, фальшиво, беззаботно. Нормальная жизнь. Чужая.

Кайра отошла от окна. Легла на кровать лицом к стене. Закрыла глаза.

Не уснула.

Не уснула до рассвета.

Глава 2. Первый ожог

Утро в Сером Шпиле начиналось с колокола.

Звук шёл откуда-то снизу, из-под земли, густой и протяжный, будто сама скала, на которой стояла академия, раскололась и застонала. Кайра открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Комната. Чёрный камень. Спящая Лира на соседней кровати — рыжие кудри разметались по подушке, губы чуть приоткрыты. Нормальность. Чужая, тёплая, не имеющая отношения к Кайре нормальность.

Колокол ударил второй раз. Третий.

Кайра села. Спина затекла — она спала не раздеваясь, в той же одежде, в которой легла. Под окном занимался серый, водянистый рассвет. Башни за стеклом проступали из тумана, как тени утопленников.

Лира зашевелилась, застонала, натянула одеяло на голову.

— Убейте меня, — пробормотала она в подушку. — Кто придумал занятия в семь утра? Убейте меня и прикопайте под башней.

Кайра не ответила. Она уже стояла у умывальника, плескала в лицо ледяную воду и смотрела на своё отражение в мутном зеркале. Бледная. Тени под глазами. Тонкий шрам на скуле — память о портовой драке в Кальдере, три месяца назад. Ничего особенного. Ничего, что выделяло бы её из сотни других первокурсниц.

Ты Кайра Огневая. Маг Огня. Второй уровень. Ничего особенного.

Она повторила это про себя, как молитву. И пошла на лекцию.

Аудитория теории Печатей располагалась в западной башне, на третьем этаже, и была устроена амфитеатром: ряды каменных скамей поднимались полукругом, а внизу, у кафедры, стоял лектор. Кайра пришла рано и села в верхнем ряду, в тени, за спинами тридцати с лишним студентов. Отсюда было видно всех. И никто не видел её.

Лектор — полная женщина с Печатью Земли на шее и мелом в волосах — говорила размеренно, скучно, как читают заупокойную молитву. Кайра слушала вполуха, пока не прозвучало слово, от которого всё внутри сжалось.

— ...и, разумеется, следует упомянуть так называемую скверну. Термин «Разрушение Печатей» в современной магической науке не используется. Корректное обозначение — «деформация рунной структуры», или в просторечии — скверна. Данное явление не является даром. Не является мутацией. Не является аномалией в привычном смысле. Это болезнь. Гниль. Порча рунной ткани, при которой носитель утрачивает способность к созидательной магии и приобретает единственную функцию: разрушать чужие Печати.

Аудитория молчала. Кто-то записывал. Кто-то зевал.

— В истории империи зафиксировано не более двадцати случаев скверны за последние три столетия. Все носители были выявлены и казнены в соответствии с Уложением о чистоте магии. На сегодняшний день скверна считается искоренённой.

Кайра сидела неподвижно. Руки лежали на коленях, пальцы не сжимались, спина оставалась прямой. Лицо — пустым. Она научилась этому за семь лет. Научилась сидеть с каменным лицом, когда внутри всё кричало.

Болезнь. Гниль. Порча.

Так говорили о её матери. Так говорили о ней самой — в тот день, когда огонь лизал стропила.

Не доверяй тому, кто обещает свободу.

Лектор продолжала. Говорила о классификации Печатей, о семи базовых типах, о иерархии уровней. Кайра записывала механически, не вдумываясь. Мысли текли параллельно, тёмным ручьём, отдельно от руки.

Двадцать случаев. Все казнены. Искоренена.

Не искоренена. Жива. Сидит в верхнем ряду западной башни. Дышит. Пишет конспект. Считает дни до того момента, когда найдёт того, кто отдал приказ.

Лекция кончилась. Студенты потянулись к выходу. Кайра встала последней, подождала, пока аудитория опустеет, и только тогда позволила себе выдохнуть.

Практическое занятие проходило на полигоне — открытой площадке за северной стеной, огороженной руническими барьерами. Небо было затянуто облаками, ветер гнал по каменным плитам сухие листья. Кайра стояла в строю из двадцати человек и смотрела, как к ним приближается Дариан Эшфолд.

Он шёл так же, как вчера в коридоре: прямо, не торопясь, с руками за спиной. Мундир сменил на более лёгкий, тренировочный — тёмная рубашка, закатанные до локтей рукава. Печать Крови на предплечье была видна отчётливо: многослойный узор, тёмно-багровый, с тонкими серебристыми прожилками. Кайра знала, что Печать Крови даёт контроль над жизненной силой — своей и чужой. Теоретически. На практике это означало, что Дариан Эшфолд мог остановить сердце одним касанием. Или ускорить его. Или разорвать сосуды изнутри.

Он остановился перед строем. Обвёл взглядом. Серые глаза задержались на Кайре на долю секунды дольше, чем на остальных.

— Парные спарринги, — сказал он. Без приветствия. Без вступления. — Я называю пары. Атака в полную силу. Защита в полную силу. Барьеры полигона выдержат. Я — нет. Поэтому не промахивайтесь мимо противника.

Кто-то нервно хихикнул. Дариан не отреагировал.

— Пары. Торин Блэквуд и Селин Марр. Огненный против Ветра. Начали.

Двое студентов вышли в центр. Торин — крупный, рыжеватый, с Печатью Земли на запястье — встал напротив худощавой девушки с серебристыми волосами. Руны вспыхнули. Воздух загудел.

Кайра смотрела. Запоминала. Как они двигаются, как держат Печати, как атакуют и уходят в защиту. Ничего сложного. Ничего, чего она не видела бы раньше.

— Следующая пара. Кайра Огневая и... — Дариан сделал паузу. Короткую, почти незаметную. — И я.

Строй замер. Кайра почувствовала, как двадцать пар глаз повернулись к ней. Кто-то шепнул: «Куратор сам?..» Кто-то присвистнул.

Дариан шагнул в центр полигона. Обернулся. Посмотрел на Кайру.

— Выходи.

Она вышла. Встала напротив. Три шага расстояния. Барьеры полигона гудели по периметру, голубоватые, напряжённые.

— Маг Огня, второй уровень, — сказал Дариан. Не вопрос. Констатация. — Покажи.

И атаковал.

Без предупреждения. Без сигнала. Просто — шаг вперёд, и Печать Крови вспыхнула, и воздух между ними сгустился, потяжелел, стал вязким, как болотная жижа. Кайра почувствовала, как её кровь замедлилась, как сердце пропустило удар. Печать Крови давила на неё изнутри, пытаясь подчинить, замедлить, остановить.

Кайра отшатнулась. Выставила руку, плеснула Огнём — тонкой, острой струёй, как учили в порту, в подпольных школах, где магией владели не по учебникам, а по необходимости. Огонь ударил в барьер, рассыпался искрами.

Дариан не замедлился. Второй удар — сильнее. Кайра почувствовала, как капилляры в носу расширились, как кровь прилила к вискам. Третий. Четвёртый. Он бил ритмично, размеренно, не торопясь, как кузнец бьёт по наковальне. Проверял. Не силу. Не скорость. Проверял её.

Он знает. Не знает что, но знает, что я не то, чем кажусь.

Кайра уклонялась. Блокировала. Огонь срывался с её пальцев слабыми, жалкими вспышками — второй уровень, жалкий второй уровень, на который она была способна, не выдав себя. Дариан теснил. Шаг за шагом. Кайра отступала к барьеру.

И тогда — на пятом ударе, когда его Печать Крови сдавила ей горло, когда воздух стал густым и горячим, когда перед глазами поплыли красные пятна, — Кайра не выдержала.

Рефлекс. Чистый, животный, неуправляемый.

Её левая рука дёрнулась. Печать под манжетой вспыхнула — не Огнём, не светом. Тьмой. Короткой, голодной, чёрной. И Печать Крови на предплечье Дариана мигнула. Погасла. На полсекунды. На одно мгновение, в течение которого его магия исчезла, как выключенный фонарь.

Полсекунды.

Потом Печать Крови вернулась. Дариан отступил. Воздух разжался. Кайра стояла, тяжело дыша, и смотрела на свою левую руку. На манжету. Под ней горела трещина.

Дариан молчал. Смотрел на своё предплечье. На Печать Крови. Которая на полсекунды перестала существовать.

Потом поднял глаза.

— Достаточно, — сказал он. Ровно. Спокойно. Повернулся к строю. — Следующая пара.

Кайра отошла к краю полигона. Ноги подкашивались. Она сунула левую руку в карман, чтобы никто не видел, как дрожат пальцы.

Полсекунды. Он почувствовал. Он точно почувствовал.

Он нашёл её после занятия. Кайра шла по коридору к жилому крылу, торопилась, хотела оказаться в комнате, закрыть дверь, закатать рукав и посмотреть на трещину. Услышала шаги за спиной. Быстрые, чёткие. Овернулась.

Дариан стоял в трёх шагах. Руки в карманах. Лицо ничего не выражало.

— Иди за мной, — сказал он. Не просьба. Не вопрос.

Кайра пошла. Что ещё оставалось.

Он привёл её в пустую аудиторию на втором этаже. Закрыв дверь. Повернулся. Сел на край стола, скрестил руки на груди. Смотрел.

— Кто ты? — спросил.

Кайра моргнула.

— Кайра Огневая. Маг Огня, второй...

— Нет. — Одно слово. Тихое. Окончательное. — Не маг Огня. Не второй уровень. Я видел, что ты сделала на полигоне. Моя Печать Крови не гаснет. Не может гаснуть. Не от Огня. Не от Ветра. Не от Земли. Ни от чего из того, чему учат в академии. — Пауза. — Но она погасла. На полсекунды. И ты знаешь почему.

Кайра молчала. Внутри всё заледенело. Она приготовила ответ. Заготовила его заранее, ещё вчера, лёжа без сна. На случай, если спросят. На случай, если заподозрят.

— Нестабильность Печати, — сказала она. Голос ровный. Руки не дрожат. — Экзаменатор предупредил. Второй уровень, но структура рыхлая. При контакте с чужой Печатью возможен резонанс. Кратковременный сбой. Это описано в учебнике Вейлара, глава двенадцать.

Дариан смотрел. Долго. Кайра выдержала взгляд. Научилась за семь лет. Научилась смотреть в глаза и не моргать.

— Глава двенадцать, — повторил он. Медленно. Как будто взвешивал каждое слово. — Резонанс. Сбой.

— Да.

— И ты уверена, что это резонанс.

— Да.

Тишина. Длинная, вязкая, как его магия на полигоне. Дариан не отводил глаз. Кайра не отводила своих.

Наконец он спрыгнул со стола. Подошёл ближе. Кайра не отступила. Не имела права отступать. Отступают виновные. А она не виновна. Она просто существует.

— Я не знаю, что ты такое, — сказал Дариан. Тихо. Почти ласково. И от этой ласки стало страшнее, чем от крика. — Но я узнаю. Я слежу за каждым новичком. За каждым. И за тобой в первую очередь. Понимаешь?

Кайра кивнула.

— Иди.

Она повернулась. Пошла к двери. Рука на ручке.

— Огневая.

Кайра остановилась. Не обернулась.

— В следующий раз, когда моя Печать погаснет, — сказал Дариан ей в спину, — я не буду спрашивать. Я буду действовать.

Кайра вышла. Закрыла дверь. Пошла по коридору. Ровным шагом. Не торопясь. Не оглядываясь.

Только за поворотом, в пустом коридоре, где не было ни души, привалилась спиной к стене и задышала. Часто, мелко, как после бега.

Он подозревает. Не знает. Но подозревает. И не отпустит.

Вечером Лира вернулась из столовой с двумя кусками пирога и новостями.

— Садись, садись, — скомандовала она, водружая тарелку на стол между кроватями. — Я такое узнала. Такое. Ты не поверишь.

Кайра села. Взяла кусок пирога. Ягодный. Кислый. Лира болтала, жуя и размахивая вилкой.

— В общем, библиотека здесь — это не библиотека, а крепость. Закрытая секция на третьем подземном уровне, и туда пускают только по личному разрешению ректора. Представляешь? Третий подземный. Говорят, там хранятся Печати казнённых. Снятые с тел. Как трофеи.

Кайра откусила пирог. Прожевала. Проглотила.

— А ещё, — Лира понизила голос, хотя в комнате не было никого, кроме них, — тут был скандал. Семь лет назад. До меня, конечно, но все знают. Хранительница Печатей — ну, та, что за главную Печать отвечала, за Первородную, — исчезла. Не ушла, не уволилась. Исчезла. И академию потом на месяц закрыли. Всех студентов по домам разослали. А когда открыли — ректор Морт уже был ректором. До этого он был просто преподавателем. Теории Печатей. Представляешь скачок?

Кусок пирога застрял в горле. Кайра запила чаем. Пальцы на чашке побелели.

— Семь лет, — повторила она. Голос ровный. Ничего не выражающий.

— Ага. И знаешь, что самое жуткое? Её так и не нашли. Ни тела, ни следов. Просто — была и нет. Как будто стёрли. — Лира откусила пирог, прожевала, не заметив ничего. — Но это старьё, конечно. Семь лет. Никто уже и не помнит. А ты чего такая бледная? Пирог кислый?

— Да, — сказала Кайра. — Кислый.

Лира пожала плечами. Вернулась к пирогу. К сплетням. К тому, кто с кем сидит в столовой и кто на кого смотрит на лекциях. Обычное. Живое. Не имеющее отношения к мёртвой женщине, которую стёрли семь лет назад.

Кайра доела пирог. Поблагодарила. Легла на кровать. Закрыла глаза.

Хранительница Печатей. Элиана Вэйн. Моя мать. Как будто стёрли.

Она лежала неподвижно, слушала, как Лира шуршит страницами, как гаснет свеча, как ветер скребётся в ставни. Ждала. Считала до ста. До двухсот. До пятисот.

Лира уснула. Кайра слышала по дыханию — ровному, глубокому.

Она встала. Бесшумно. Обулась. Натянула тёмную куртку. Выскользнула в коридор.

Ночь в Сером Шпиле была другой. Не тише — нет. Шумнее. Руны на стенах горели ярче, пульсировали, шептались между собой на языке, которого Кайра не понимала. Коридоры пустовали. Патрули ходили по расписанию — она выяснила это вчера, наблюдая из окна. Каждые двадцать минут. Между патрулями — окно в четыре минуты.

Кайра спустилась на первый этаж. Потом ниже. Лестница вела в подвал, в технические коридоры, где хранились запасы рунных чернил и старые мебельные каркасы. Дальше — дверь. Та самая, которую она видела вчера из окна. У основания башни. Замочная скважина.

Дверь была заперта. Кайра коснулась её ладонью. Печать отозвалась болью. На двери — руны. Не обычные, не академические. Старые. Густые. Многослойные. Защитный контур не менее четвёртого уровня. Кайра не могла его снять. Не сейчас. Не с её трещиной.

Она обошла дверь. Провела пальцами по стене рядом. Камень был тёплым. Живым. Под пальцами шевелились руны, мелкие, как мошкара. Кайра отступила. Пошла вдоль стены, в темноту, туда, где коридор сворачивал и сужался.

И остановилась.

На стене, на уровне глаз, был вырезан знак. Не руна. Не символ Печати. Знак. Перечёркнутый круг. Вертикальная линия. Тот самый.

Кайра протянула руку. Кончики пальцев коснулись камня. Знак был старым. Глубоким. Вырезанным давно — края стерлись, камень вокруг потемнел. Но форма была отчётливой. Неповторимой.

Он был здесь. Тот, кто носит этот знак. Был здесь давно. И оставил метку.

Шаги. Кайра замерла. Шаги в коридоре. Мерные, размеренные. Патруль. Раньше, чем должен был быть. Кайра метнулась в нишу, за каменный выступ, вжалась спиной в стену. Не дышала.

Двое стражей прошли мимо. Фонарь качался, бросая на стены дрожащие тени. Один из них что-то бормотал — недовольно, устало. Они не посмотрели в нишу. Прошли. Шаги затихли.

Кайра выдохнула. Выскользнула. Побежала обратно. Вверх по лестнице. В коридор. В комнату. Закрыла дверь на щеколду. Села на кровать.

Лира спала. Не шелохнулась.

Кайра смотрела на свои руки. На левую. На манжету, под которой горела трещина. На правую, которая касалась знака на стене.

Он здесь. Был здесь давно. И ректор Морт открывает ему дверь.

Значит, они связаны. Значит, убийца моей матери — не чужак. Не случайность. Он часть этого места.

За окном занимался рассвет. Серый, водянистый, равнодушный. Кайра не легла. Сидела на краю кровати и смотрела, как свет ползёт по чёрному камню стен.

Трещина на Печати болела. Тихо. Тупо. Как зуб, который скоро придётся вырвать.

Глава 3. Правила Серого Шпиля

Объявление появилось на доске у подножия центральной башни ровно в полдень, когда солнце стояло в зените и чёрный камень Шпиля раскалялся так, что руны на его поверхности начинали мерцать ярче обычного. Кайра увидела скопление студентов издалека, целая толпа облепила чёрную доску, кто-то читал вслух, кто-то присвистывал от удивления, кто-то стонал, закрывая лицо руками, и по этим звукам Кайра поняла, что новости были непростыми, что они касались всех, и что избежать их не удастся никому.

Она подошла ближе, протиснулась между двумя второкурсниками, которые спорили о чём-то громко и бессмысленно, встала на цыпочки, потому что толпа была густой, и прочитала то, что было выведено белыми рунами на чёрном камне, и каждое слово ложилось в сознание, как камень на дно колодца, тяжёлый, холодный, необратимый.

Указ ректора Сельвина Морта гласил, что через три недели состоится ежегодный Турнир Трёх Печатей, и все первокурсники без исключения обязаны принять участие в составе команд по три человека, и команды формируются по жребию, и наставники команд назначаются из числа кураторов факультетов, и это не обсуждается, и это не подлежит пересмотру, и это не то, от чего можно отказаться.

Турнир включает три этапа: Лабиринт Рун, Командный Бой и Испытание Воли, и победившая команда получает допуск к закрытой секции библиотеки на один семестр, и это было то, ради чего стоило драться, и это было то, ради чего стоило рисковать, и это было то, что Кайра искала с первого дня, потому что в закрытой секции могли быть ответы, которых не было больше нигде.

Отказ от участия приравнивается к отчислению, и эта последняя строка была выведена крупнее остальных, как будто ректор хотел, чтобы никто не сомневался, чтобы никто не надеялся, чтобы никто не думал, что можно отсидеться, и Кайра перечитала эту строку дважды, и слово «отчисление» горело в её сознании, как трещина на Печати, как шрам, который не заживает, как приговор, который нельзя обжаловать.

Отчисление означало конец, означало, что она потеряет доступ к академии, потеряет доступ к архивам, потеряет доступ к закрытой секции, потеряет единственный шанс найти то, что она искала семь лет, и это означало, что выбора нет, что три недели тренировок, три этапа, три шанса выдать себя перед всей академией, три шанса, когда её Печать может вспыхнуть не тем светом, и три шанса, когда кто-то может увидеть то, чего не должен видеть.

Она уже собиралась уйти, уже повернулась, уже сделала шаг прочь от доски, когда толпа расступилась, как вода перед носом корабля, и Дариан Эшфолд подошёл к объявлению, не глядя на студентов, не глядя на Кайру, не глядя ни на кого, и встал рядом с доской, и обвёл взглядом собравшихся, и в его серых глазах не было ничего, кроме той холодной, выверенной пустоты, которая была хуже любого гнева, хуже любого крика, хуже любого предупреждения.

— Жеребьёвка команд состоится завтра, в восемь утра, в центральном зале, — произнёс он ровным, безэмоциональным голосом, в котором не было ни тепла, ни холода, только та сухая точность, которая резала, как лезвие. — Списки будут вывешены здесь, на этой доске, и я рекомендую всем прийти вовремя, потому что опоздавшие будут распределены в последнюю очередь, и это не обсуждается.

Он сделал паузу, и толпа замерла, и Кайра замерла вместе с ней, и воздух стал гуще, плотнее, как перед грозой, и Дариан обвёл взглядом собравшихся ещё раз, и в его глазах мелькнуло что-то, что Кайра не смогла разобрать, что-то похожее на усмешку или на предупреждение, и он добавил:

— И да, я назначен наставником одной из первокурсных команд, и я не завидую тем, кто в неё попадёт, потому что я не буду мягким, и я не буду терпеливым, и я не буду прощать

слабости, и если вы думаете, что Турнир это игра, то вы ошибаетесь, и я советую вам запомнить это сейчас, потому что потом будет поздно.

Кто-то в толпе нервно рассмеялся, и смех этот был коротким, испуганным, как крик птицы, которую спугнули, и Дариан не улыбнулся, не отреагировал, не повернулся в сторону звука, просто развернулся и ушёл, и мундир его мелькнул между спинами студентов, и исчез за поворотом, и толпа начала расходиться, и гомон стал тише, и руны на доске продолжали гореть, и слово «отчисление» продолжало гореть вместе с ними.

Кайра смотрела ему вслед, и желудок сжался, и внутри всё похолодело, и она подумала, что если она попадёт в его команду, то это будет конец, что он увидит, что он почувствует, что он поймёт, и что она не сможет спрятаться, и что она не сможет солгать, и что она не сможет убежать, и что три недели рядом с ним будут тремя неделями на лезвии ножа.

Пожалуйста, не его команда, любой куратор, любой, только не он, только не тот, кто уже подозревает, только не тот, кто уже смотрит, только не тот, кто уже знает, что я не та, кем кажусь.

Жеребьёвка на следующий день была короткой и безжалостной, как удар клинка, как приговор, как то, что нельзя отменить, и Кайра стояла в строю из двенадцати первокурсников, и слушала, как зачитывают имена, и каждое имя было камнем, и каждый камень падал в тишину, и тишина была густой, и воздух был тяжёлым, и руны на стенах центрального зала горели ярче обычного, как будто сам Шпиль наблюдал, как будто сам Шпиль решал, и как будто сам Шпиль не торопился.

Команда один: Селин Марр, Эдвин Коул, Ренна Таш, и кто-то выдохнул, и кто-то всхлипнул, и кто-то засмеялся, и это было нормально, и это было то, что делают люди, когда не знают, что делать, и Кайра не делала ничего, просто стояла, и слушала, и ждала, и не дышала, и не моргала, и не чувствовала ног, и не чувствовала рук, и не чувствовала ничего, кроме того холодного комка в животе, который рос с каждым произнесённым именем.

Команда два: Торин Блэквуд, Лира Солт, и сердце Кайры пропустило удар, и она замерла, и не дышала, и не моргала, и ждала, и боялась, и надеялась, и не знала, чего хочет больше, и не знала, чего боится больше, и не знала, что хуже: попасть в команду с теми, кого она знает, или попасть в команду с теми, кого она не знает, и не знала, что лучше: быть рядом с теми, кому она доверяет, или быть рядом с теми, кого она не должна подводить.

И голос зачитал третье имя, и это имя было её, и это имя было тем, которое она носила семь лет, и это имя было тем, которое она не должна была носить, и это имя было тем, которое она не могла сбросить, и это имя было тем, которое она не могла забыть.

— И Кайра Огневая, — произнёс голос, и Кайра услышала своё имя, и не услышала, и услышала снова, и не поверила, и поверила, и не хотела верить, и хотела, и не знала, что чувствует, и не знала, что думать, и не знала, что делать, и просто стояла, и не двигалась, и не дышала, и не моргала.

— Наставник команды два — куратор боевого факультета Дариан Эшфолд, — произнёс голос, и эти слова упали в тишину, как камень в воду, и круги пошли по залу, и Кайра почувствовала, как эти круги докатились до неё, и как они сжали её, и как они не дали ей дышать, и как они не дали ей думать, и как они не дали ей быть.

Кайра закрыла глаза, и темнота была красной, и темнота была горячей, и темнота была той, в которой она горела семь лет назад, и в которой она бежала, и в которой она пряталась, и в которой она училась не плакать, и в которой она училась не кричать, и в которой она училась не быть собой. Она вдохнула, и воздух был холодным, и воздух был чужим, и воздух не помогал, и она выдохнула, и выдох не помогал, и она открыла глаза, и зал был тем же, и руны горели, и толпа стояла, и ничего не изменилось, и всё изменилось, и она была в его команде, и она не могла этого изменить, и она не могла этого избежать, и она не могла этого отменить.

Рядом Лира подпрыгнула, и хлопнула в ладоши, и заверещала, и это было странно, и это было неуместно, и это было то, что делают люди, которые не знают, что происходит, и которые думают, что это игра, и которые думают, что это весело, и которые не знают, что это не игра, и что это не весело, и что это не то, чем кажется.

— Мы вместе, мы в одной команде, и Торин, ну тот рыжий, с полигона, помнишь, он вроде нормальный, и он вроде хороший, и он вроде не будет мешать, — Лира говорила быстро, и много, и это было странно, потому что она никогда не говорила так, и это означало, что она нервничает, и что она боится, и что она прячет страх за словами. — А наставник, ну, наставник это Эшфолд, и я слышала, как его зовут за глаза, Серый Клинок, потому что режет словами и не морщится, и потому что смотрит так, что хочется провалиться сквозь землю, и потому что молчит так, что хочется кричать, и потому что он не прощает, и потому что он не забывает, и потому что он не отпускает.

Кайра не слышала, и Кайра не видела, и Кайра не чувствовала, и Кайра смотрела через зал, и зал был огромным, и зал был пустым, и зал был полным, и в зале был только один человек, и этот человек стоял у колонны, и этот человек скрестил руки на груди, и этот человек смотрел прямо на неё, не на команду, не на Лиру, не на Торуна, на неё, и только на неё, и его серые глаза были холодными, и его серые глаза были тёплыми, и его серые глаза были теми, в которых она не могла прочесть ничего, и в которых она видела всё, и в которых она не хотела видеть ничего, и в которых она не могла не видеть всего.

Он смотрел на неё, как будто уже знал, как будто ждал, как будто это не было случайностью, как будто жребий не был жребием, как будто кто-то решил, как будто кто-то выбрал, как будто кто-то хотел, чтобы она была рядом, и чтобы она не могла уйти, и чтобы она не могла спрятаться, и чтобы она не могла солгать, и чтобы она была там, где он мог её видеть, и где он мог её чувствовать, и где он мог её понять, и где он мог её разоблачить.

Кайра стояла, и не двигалась, и не дышала, и не моргала, и смотрела на него, и он смотрел на неё, и между ними было тридцать шагов, и тридцать шагов были пропастью, и тридцать шагов были ничем, и тридцать шагов были всем, и она не знала, что делать, и не знала, что думать, и не знала, что чувствовать, и знала только одно, что она в его команде, и что три недели начинаются завтра, и что она не может уйти, и что она не может спрятаться, и что она не может быть никем, кроме той, кем она является, и что это самое страшное, что может случиться с человеком, который семь лет прятался от самого себя.

Первая тренировка была назначена на тот же вечер. Полигон за северной стеной, тот самый, где Кайра продержалась полсекунды против Печати Крови. Небо затянуло тучами, ветер гнал по плитам сухую листву. Кайра пришла первой. За ней — Лира, в накинутом на плечи плаще, с растрёпанными кудрями. Последним явился Торин Блэквуд.

Он был крупным. Не толстым — именно крупным. Широкие плечи, большие руки, рыжая макушка. Печать Земли на запястье — грубая, коричневая, как кора дерева. Лицо открытое, веснушчатое. Улыбка до ушей.

— Ну что, товарищи по несчастью, — сказал Торин, потирая ладони, — попались? Я Торин. Маг Земли, третий уровень. Могу поднять стену, могу опустить пол. Могу закопать. Могу откопать. В зависимости от настроения противника.

Лира фыркнула. Кайра не улыбнулась, но уголок рта дёрнулся.

— Кайра, — сказала она.

— Лира! — представилась рыжая. — Вода. Второй уровень. Могу заморозить, могу разморозить. Могу утопить. Теоретически.

— Отлично, — сказал Торин. — Утопим кого-нибудь на первом этапе.

Дариан появился бесшумно. Просто возник за их спинами, как тень. Торин подскочил. Лира ойкнула. Кайра обернулась медленно. Спокойно. Она слышала его шаги.

— Разговорчики, — сказал Дариан. Не громко. Но так, что улыбка сползла с лица Торина.
— Три недели. Три этапа. Я не нянька. Я не буду повторять. Я покажу один раз. Кто не понял — тренируется ночью. Вопросы?

Вопросов не было.

— Первый этап — Лабиринт Рун. Индивидуальное прохождение. Каждый идёт сам. Ловушки, преграды, рунические барьеры. Ваша задача на тренировках — научиться читать руны на ходу. Не останавливаться. Не думать. Реагировать. — Он посмотрел на каждого по очереди. Взгляд задержался на Кайре. — Начнём.

Следующие полтора часа были адом.

Дариан гнал их по полигону, выставляя рунические ловушки одну за другой. Световые — ослепляли. Звуковые — били по перепонкам. Кинетические — сбивали с ног. Торин падал чаще всех, поднимался, отряхивался, бормотал: «Ещё разок. Ещё разок. Я почти поймал ритм». Лира держалась лучше — её Вода давала гибкость, текучесть, способность уклоняться. Кайра...

Кайра держалась. Просто держалась. Второй уровень Огня не давал ни скорости Воды, ни мощи Земли. Но давал рефлекс. Кайра уклонялась не магией — телом. Нырала, перекачивалась, падала и вставала. Семь лет в портовых драках научили её тому, чему не учили в академии: не думать. Двигаться.

На сороковой минуте Дариан выпустил тройную ловушку: свет, звук, кинетика одновременно. Лира закрылась Водяным щитом. Торин врос в землю, уперся. Кайра не стала ни закрываться, ни упираться. Она прыгнула. Вперёд. Сквозь. Тело прошло между импульсами, как игла между нитями ткани.

Дариан остановил тренировку.

— Стоп.

Кайра замерла. Тяжело дышала. Пот тёк по вискам.

Дариан смотрел на неё. Долго. Молча. Потом сказал:

— Ещё раз. Все трое. С начала.

Но в его взгляде, в той доле секунды, прежде чем он отвернулся, Кайра увидела что-то. Не подозрение. Не злость. Удивление. Короткое, невольное, почти против воли. Как будто он не ожидал. Как будто она сделала то, чего он не рассчитывал увидеть.

Торин подошёл к ней, когда Дариан отошёл к дальнему краю полигона.

— Ты как кошка, — сказал Торин. Шёпотом. С уважением. — Где ты так научилась?

— В Тале, — ответила Кайра. — Там много лестниц. И мало перил.

Торин хмыкнул. Улыбнулся. Не поверил. Но не стал давить.

Библиотека Серого Шпиля была огромной. Пять этажей над землёй, три под. Кайра пришла туда на следующий день после тренировки, в тихий час между лекциями, когда залы пустовали. Ей нужен был не учебник. Не конспект. Ей нужно было имя.

Печать Первородного.

Она искала его в каталоге. В справочниках по истории магии. В хрониках империи. Три часа. Четыре. Пять. Пальцы чернели от пыли, глаза горели от мелкого шрифта.

Ничего.

Имя не встречалось. Ни в указателях, ни в текстах, ни в сносках. Как будто его вырезали. Вычеркнули. Стерли из памяти.

Кайра перешла к разделу «Хранители Печатей». Нашла список. Двадцать три имени за триста лет. Элиана Вэйн — двадцать четвёртая. Последняя. Строчка обрывалась: «Назначена в 1194 году. Статус: —». Не «уволилась». Не «погибла». Просто прочерк. Пустота.

Она потянулась за следующим томом. Хроника 1194–1201 годов. Тяжёлый переплёт, потрескавшаяся кожа. Кайра открыла книгу. Страницы шли одна за другой. События, указы,

назначения. 1197 год. Страница двести четырнадцать. И — разрыв. Вырванная страница. Не аккуратно вырезанная. Вырванная. С корнем. Края лохматые, волокна бумаги торчат из переплёта.

Кайра провела пальцем по разрыву. Посмотрела на следующую страницу. 1198 год. Указ о назначении нового ректора. Сельвин Морт.

Кто-то вырвал эту страницу до неё. Не библиотекарь — лохматые края говорят о спешке. Не цензор — цензор режет ровно. Кто-то, кому нужно было уничтожить конкретный кусок текста. Конкретный год. Конкретную запись.

Кайра закрыла книгу. Поставила на полку. Руки не дрожали. Лицо не изменилось. Она научилась.

Но внутри, под рёбрами, что-то сжалось. Горячее. Острое. Как трещина на Печати, только глубже.

Кто-то искал то же, что и я. Кто-то знает про Печать Первородного. Кто-то был здесь до меня.

Вечером, в кабинете куратора боевого факультета, Дариан Эшфолд сидел за столом и смотрел в окно. За стеклом темнело. Башни Шпиля тонули в сумерках. На столе лежал отчёт о тренировках. Три имени. Три характеристики.

Дверь скрипнула. Торин просунул рыжую голову.

— Стучать? — спросил Торин.

— Входи.

Торин вошёл. Сел напротив. Закинул ногу на ногу. Печать Земли на его запястье тускло поблёскивала в свете лампы.

— Ты вызвал, — сказал Торин.

— Вызвал. — Дариан не повернулся от окна. — Кайра Огневая. Что думаешь?

Торин помолчал. Пожевал губу.

— Быстрая. Не сильная, но быстрая. Рефлексы странные. Не академические. Как будто дралась в жизни. Не на полигоне. В жизни.

— И?

— И она что-то прячет. — Торин сказал это спокойно. Без драмы. Как констатацию. — Все что-то прячут, Дариан. Я прячу, что не сдал теорию Печатей. Лира прячет, что боится высоты. Она прячет... не знаю что. Но прячет.

Дариан повернулся. Сел на край стола. Посмотрел на Торуна.

— На полигоне моя Печать Крови погасла. На полсекунды.

Торин моргнул. Выпрямился.

— Что?

— Полсекунды. Она коснулась моей Печати — и она погасла. Не ослабла. Не дрогнула. Погасла. Как свеча, которую задули.

Тишина. Торин медленно выдохнул.

— Это... это не Огонь.

— Нет. Не Огонь.

— Тогда что?

Дариан молчал. Смотрел в стол. Пальцы барабанили по столешнице. Ритмично. Неровно.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Но я узнаю.

— Доложишь ректору?

Дариан поднял голову. Посмотрел на Торуна. В серых глазах — что-то новое. Не злость. Не холод. Колебание.

— Нет, — сказал он. — Не сейчас. Если я доложу Мору, он заберёт её. Допросит. А потом она исчезнет. Как исчезают те, кого забирают. — Пауза. — Я хочу понять сам.

Торин смотрел на него. Долго. Потом кивнул.

— Твоё решение. Но будь осторожен. Если она то, что я думаю...

— Я знаю, что ты думаешь, — перебил Дариан. — И именно поэтому я не тороплюсь.

Торин встал. Пошёл к двери. На пороге обернулся.

— Дариан. Если она опасна — не лезь один.

Дверь закрылась. Дариан остался один. С отчётом. С тремя именами. С полусекундной тьмой в Печати Крови, которую он до сих пор чувствовал, как фантомную боль.

Он достал из ящика стола чистый лист. Написал: «Кайра Огневая. Наблюдение. Лично». Подчеркнул. Убрал в ящик. Запер.

Ночь пришла тихо. Кайра лежала в кровати, смотрела в потолок, считала руны на камне. Тридцать семь. Тридцать восемь. Тридцать девять. Лира спала рядом. Дышала ровно.

Кайра не спала. Думала. О вырванной странице. О знаке на стене. О том, что Морт открыл дверь незнакомцу. О трещине, которая горела под манжетой. О серых глазах, которые смотрели на неё на полигоне.

Ещё три раза. Может, четыре. Потом нужно остановиться.

Она не знала, сколько раз ещё придётся использовать дар. Не знала, хватит ли трещины на все три этапа Турнира. Не знала, что будет, когда Печать расколется. Знала только одно: остановиться она не может. Не сейчас. Не когда цель так близко.

Сон пришёл поздно. Глубокий, чёрный, без сновидений.

И Кайра не услышала, как скрипнула дверь.

Она проснулась от холода. Не от сквозняка — от другого холода. Внутреннего. Того, что приходит, когда кто-то чужой стоит рядом. Кайра открыла глаза.

Комната была тёмной. Лунный свет пробивался сквозь мутное стекло, расчерчивал пол серебристыми полосами. Кровать Леры — пуста. Нет. Не пуста. Лира лежала. Дышала. Но слишком ровно. Слишком глубоко. Как человек, которого усыпили.

Кайра повернула голову.

Шкаф был открыт. Дверца нараспашку. Её сумка — на полу, вывернутая. Бельё, рубашка, флакон чернил. Всё на месте. Всё, кроме...

Дневник матери.

Кайра метнулась. Встала. Босые ноги на ледяном камне. Сумка вывернута. Дневника нет. Промасленная ткань — на полу. Развёрнутая. Пустая.

Нет.

Кайра бросилась к двери. Заперта. Щеколда на месте. Окно — закрыто. Ставни не тронуты.

Она обернулась. Посмотрела на пол. На то место, где лежала промасленная ткань. Рядом — пепел. Кучка пепла. Серая, лёгкая, ещё тёплая. Кайра присела. Коснулась пальцем. Пепел рассыпался. Бумага. Сожжённая бумага.

Кто-то проник в комнату. Вывернул сумку. Достал дневник. И сжёг его. Здесь. На полу. Пока Кайра спала.

Или не сжёг весь. Кайра поворошила пепел. В самом низу, под серой массой, — уголок. Маленький, обгоревший. Три слова. Обгоревшие, но читаемые:

«...не доверяй... Морт...»

Кайра сжала уголок в пальцах. Встала. Посмотрела на Лиру.

Лира спала. Дышала. Ровно. Глубоко. Слишком глубоко для человека, которого разбудил бы скрип двери, шорох сумки, треск горящей бумаги.

Кайра подошла к её кровати. Наклонилась. Посмотрела в лицо. Веки не дрожат. Губы приоткрыты. Дыхание — как у утопленника: медленное, механическое, неживое.

Её усыпили. Или она притворяется.

Или она не спала. И видела того, кто это сделал.

Или она и есть тот, кто это сделал.

Кайра выпрямилась. Сунула обгоревший уголок в карман. Вернулась в свою кровать. Легла. Закрывает глаза.

Не уснула.

Лежала. Слушала, как дышит Лира. Как ветер скребётся в ставни. Как руны на стенах шепчутся в темноте.

Кто-то знает про дневник. Кто-то знает, что я ищу. Кто-то был в моей комнате, пока я спала.

И этот кто-то не боится ректора. Не боится патрулей. Не боится рунных замков.

Потому что он — часть этого места.

За окном занимался рассвет. Серый. Равнодушный. Кайра лежала с открытыми глазами и смотрела, как свет ползёт по чёрному камню.

Обгоревший уголок в кармане обжигал кожу.

Три слова. Три слова, которые стоили кому-то ночи. Кому-то, кто проник в запертую комнату. Кому-то, кто сжёг дневник Элианы Вэйн.

«...не доверяй... Морт...»

Кайра сжала зубы.

Я знаю. Я знала это семь лет назад. Но теперь я знаю, что и ты знаешь. И это значит, что ты ближе, чем я думала.

Лира зашевелилась. Застонала. Повернулась на бок. Открыла глаза. Мутные. Сонные. Нормальные.

— Кайра? Ты чего не спишь?

— Не могу уснуть, — сказала Кайра. Голос ровный. Пустой. Ничего не выражающий.

— А, ну, бывает. Пирог был тяжёлый. — Лира зевнула. Закрывает глаза. Снова уснула.

Или сделала вид.

Кайра смотрела на её спину. На рыжие кудри, разметавшиеся по подушке. На беззащитную, тёплую, живую макушку.

Кто ты, Лира Солт? Соседка. Подруга. Или глаза, которые смотрят на меня, пока я сплю?

Ответа не было. Ответ придёт позже.

А пока Кайра лежала. Не дышала. Ждала утра. Ждала тренировки. Ждала серых глаз, которые будут смотреть на неё и не верить.

Ждала Турнира.

Ждала того, кто придёт снова.

Глава 4. Трещина в маске

Три недели пролетели, как лезвие по коже. Кайра не помнила, как они прошли. Тренировки. Лекции. Снова тренировки. Дариан гонял их без жалости: рунические лабиринты, спарринги, чтение Печатей на скорость. Торин падал, поднимался, отряхивался. Лира текла, уклонялась, улыбалась. Кайра держалась. Просто держалась.

А потом настал день Турнира.

Центральный зал Серого Шпиля преобразился. Каменные скамьи амфитеатром поднимались к потолку, забитые зрителями: студенты старших курсов, преподаватели, приглашённые гости из императорского двора. Внизу, на арене, зиял вход в Лабиринт Рун — чёрный провал в полу, из которого тянуло холодом и озоном. Руны по краям провала пульсировали, переливались, складывались в узоры и распадались.

Кайра стояла в строю из двенадцати первокурсников. Сердце билось ровно. Руки не дрожали. Она повторяла про себя, как мантру: *Второй уровень. Огонь. Ничего особенного. Ничего.*

Дариан сидел в ложе наставников. Серый мундир. Руки на подлокотниках. Взгляд — поверх голов, поверх арены, поверх всего. Но Кайра чувствовала: он видит её. Из двенадцати лиц в строю он видит именно её.

Голос ректора Морта разнёсся под сводами:

— Турнир Трёх Печатей открыт. Первый этап: Лабиринт Рун. Каждый участник входит в одиночку. Задача — дойти до центра. Время не ограничено. Магия разрешена. Ловушки — нет. — Пауза. Улыбка. Мягкая, отеческая. — Удачи.

Первым вошёл Эдвин Коул. Печать Ветра. Исчез в провале. Зрители замерли. На каменном экране над ареной появилась проекция: Эдвин в лабиринте, бежит, уклоняется, читает руны на ходу. Минута. Две. Три. Вышел. Бледный, потный, но живой. Аплодисменты.

Второй. Третий. Четвёртый.

— Кайра Огневая.

Она шагнула вперёд. Прошла по арене. Встала у провала. Заглянула вниз. Темнота. Холод. Шёпот рун.

Кайра шагнула в темноту.

Лабиринт встретил её тишиной. Не мёртвой — живой. Стены из чёрного камня, узкие, высокие, сходящиеся над головой. Руны на стенах горели тусклым голубоватым светом и двигались. Ползли. Перестраивались. Кайра шла. Быстро. Не бегом — шагом. Бег в лабиринте означает панику. Паника означает ошибки.

Первая ловушка — световая. Вспышка ударила в глаза. Кайра зажмурилась, уклонилась влево, пошла дальше. Вторая — кинетическая. Волна воздуха сбила с ног. Кайра перекатилась, встала, побежала. Третья, четвёртая, пятая. Руны множились, усложнялись, сплетались в узоры, которые она видела на тренировках. Читала. Уклонялась. Проходила.

Зрители наверху видели проекцию. Видели, как маг Огня второго уровня идёт по лабиринту. Уверенно. Не быстро, но уверенно. Ничего особенного. Ничего выдающегося.

Дариан видел то же. И не видел. Смотрел. Ждал.

А потом лабиринт изменился.

Кайра свернула за угол и остановилась. Перед ней — стена. Не каменная. Руническая. Плотная, многослойная, густая. Печать четвёртого уровня. Огненный барьер. Но не простой — инвертированный. Огонь, обращённый внутрь. Любой Огонь, направленный на него, вернётся. Усилится. Ударит в того, кто атаковал.

Кайра смотрела на стену. Думала. Огонь не возьмёт. Вода не возьмёт — она не Вода. Земля не возьмёт. Ветер не возьмёт.

Есть один способ. Один.

Кайра оглянулась. Коридор пуст. Камеры проекции — наверху, под потолком. Мёртвая зона. Здесь, в этом углу, за выступом стены, её не видно.

Она закатала левый рукав. Печать горела. Трещина пульсировала. Кайра прижала ладонь к рунической стене.

И потянула.

Не Огнём. Не магией. Даром. Тем самым. Запретным. Разрушением. Пальцы коснулись рун, и руны задрожали. Зашатались. Посыпались, как штукатурка. Кайра чувствовала, как узор под её ладонью распадается, как нити Печати рвутся одна за другой, как стена теряет целостность, становится рыхлой, пустой.

Три секунды. Четыре. Пять. Стена рассыпалась. Руны погасли. Камень осыпался. Проход открыт.

Кайра отдернула руку. Трещина горела. Шире. Ещё на волосок шире. Она опустила рукав. Пошла дальше. Не оглядываясь.

Наверху, в ложе наставников, Дариан Эшфолд сидел неподвижно. Проекция показала Кайру в мёртвой зоне — три секунды пустого экрана. Потом она снова появилась. Уже за стеной. Стены, которая была. И которой не стало.

Он не видел, что она сделала. Но видел результат. Стена четвёртого уровня. Инвертированный Огонь. Не пробиваемая для второго уровня. Исчезла. За три секунды.

Дариан сжал подлокотники. Пальцы побелели.

Я знал. Я знал.

Кайра вышла из лабиринта четвёртой из двенадцати. Не первой. Не последней. Четвёртой. Достаточно, чтобы не привлекать внимание. Достаточно, чтобы пройти во второй этап.

Аплодисменты. Кайра не слышала. Шла к строю. Голова опущена. Левая рука в кармане. Трещина горела.

Она не видела, как Дариан встал. Как вышел из ложи. Как пошёл к боковому коридору. Не видела, потому что не смотрела.

А потом он возник перед ней. В коридоре. За поворотом. Спина к стене. Руки скрещены. Серые глаза — как лезвия.

— Иди за мной, — сказал он. Второй раз. Как тогда, после полигона. Но голос был другим. Не ровным. Не спокойным. Натянутым. Как струна перед разрывом.

Кайра пошла. Не потому что хотела. Потому что не было выбора.

Пустая аудитория. Третий этаж. Дверь закрылась. Щелчок замка. Дариан повернулся. Сел на край стола. Посмотрел.

— Стена четвёртого уровня, — сказал он. Тихо. Инвертированный Огонь. Не пробиваемая ни для кого из первокурсников. Ни для кого из второкурсников. Ни для кого, кроме мага пятого уровня и выше. — Пауза. — Ты прошла за три секунды.

Кайра молчала.

— Я не видел как. Мёртвая зона. Но я видел результат. — Он встал. Подошёл ближе. Шаг. Ещё шаг. Кайра не отступила. Не имела права. — Кто ты?

— Кайра Огне...

— Не смей. — Голос хлестнул, как плеть. — Не смей мне лгать. Не здесь. Не сейчас. Не после того, что я видел. — Он остановился в полушаге. Смотрел сверху вниз. Серые глаза горели. — Моя Печать Крови погасла на полсекунды. Стена четвёртого уровня исчезла за три секунды. Это не резонанс. Это не нестабильность. Это не Огонь. — Пауза. — Это Разрушение.

Слово упало в тишину, как камень в воду. Круги. Эхо. Кайра почувствовала, как воздух сгустился. Как пол ушёл из-под ног. Как семь лет лжи, маскировки, страха — всё рухнуло в одну секунду.

— Ты Разрушительница, — сказал Дариан. Не вопрос. Приговор.

И Кайра ударила.

Не думая. Не решая. Тело сработало раньше разума. Левая рука метнулась вперёд. Печать вспыхнула. Тьма. Голодная, чёрная, бездонная. Направленная в его Печать Крови. В его руку. В его суть.

Дариан отреагировал мгновенно. Печать Крови полыхнула багровым. Он перехватил её запястье. Сжал. Кайра почувствовала, как его магия врежется в её дар, как два потока сталкиваются, как воздух между ними трещит и рвётся.

Секунда. Две. Три.

А потом Печать Крови на его предплечье хрустнула. Тонкая трещина. Как волосок. Поперёк узора. Дариан отдернул руку. Отступил. Посмотрел на своё предплечье. На трещину. На Кайру.

Тишина.

Абсолютная. Полная. Такая, что слышно, как пылинки оседают на пол.

Кайра стояла. Дышала. Левая рука горела. Трещина на её Печати стала шире. Ещё на волосок. Ещё.

Дариан смотрел на неё. Долго. Молча. Кайра ждала удара. Крика. Вызова стражи. Чего угодно.

Он сказал:

— Я не выдам тебя.

Кайра моргнула.

— Но ты расскажешь мне правду. — Голос ровный. Тихий. Уставший. — Всю. До конца. Без лжи. Без масок. Иначе я не смогу тебя защищать. А защищать придётся.

Кайра смотрела на него. На трещину в его Печати. На серые глаза, в которых не было злости. Не было страха. Было что-то другое. Что-то, чему она не знала имени.

Она опустила на пол. Ноги не держали. Села на холодный камень. Обхватила колени руками. Закрыла глаза.

— Моя мать, — сказала она. Голос чужой. Хриплый. Тихий. — Элиана Вэйн. Хранительница Печатей. Семь лет назад её убили. Не казнили. Убили. И сказали, что казнили. И сказали, что она была изменницей. И стёрли. Из хроник. Из списков. Из памяти. — Пауза. Вдох. — Я пришла сюда, чтобы найти того, кто отдал приказ. Того, кто подписал. Того, кто стоял в горящем доме и смотрел, как она умирает.

Тишина. Дариан не двигался. Не дышал.

— Я не знаю, кто это, — продолжала Кайра. — Но я знаю, что он здесь. В академии. Я видела его знак. На стене. В подземелье. И ректор Морт открыл ему дверь. — Она подняла голову. Посмотрела на Дариана. — Это всё, что я могу сказать. Остальное... остальное я не знаю сама.

Дариан молчал. Долго. Стоял. Смотрел на неё. На её запястье, где горела трещина. На её лицо, где не было слёз. Не было слабости. Только усталость. Семь лет усталости.

Он сел на пол. Рядом. Не близко. Не далеко. Рядом.

— Мой брат, — сказал он. Тихо. Как будто говорил сам с собой. — Алрик. Три года назад. Обвинили в краже рунных артефактов. Забрали. Допросили. Не вернулся. Сказали — бежал. Сказали — дезертир. — Пауза. — Я знаю, что он не бежал. Знаю, что его убили. Как твою мать. Тихо. Без следа. Без имени.

Кайра повернулась. Посмотрела на него. В серых глазах — то же, что в её собственных. Пустота. Колодец. Брошенный, гулкий, без дна.

Они сидели на полу пустой аудитории. Два человека с трещинами. Две Печати, надломленные изнутри. Две истории, которые не должны были пересечься. Но пересеклись.

— Я помогу тебе, — сказал Дариан. — Найду того, кто подписал приказ. Найду того, кто убил твоего брата. Но не сейчас. Не в одиночку. И не ценой твоей Печати. — Он посмотрел

на её запястье. — Ты используешь дар ещё три раза. Может, четыре. А потом ты расколешься. И тогда тебя не спасёт никто.

Кайра молчала. Потом кивнула.

Дариан встал. Протянул руку. Кайра посмотрела на неё. На ладонь. На трещину в его Печати Крови. Вложила свою руку. Он потянул. Поднял. Не отпустил сразу. Держал. Секунду. Две.

— Иди, — сказал он. — Отдохни. Завтра второй этап.

Кайра пошла к двери. Рука на ручке.

— Огневая.

Она остановилась. Не обернулась.

— Меня зовут Кайра, — сказала она. — Не Огневая. Кайра Вэйн.

И вышла.

Вызвали на следующий день. Не Дариан. Не экзаменатор. Ректор.

Записка лежала на подушке, когда Кайра вернулась с обеда. Бумага плотная, кремовая. Почерк аккуратный, мелкий. «Кайра Огневая приглашается в кабинет ректора для беседы. Третья башня, седьмой этаж. После вечерней лекции». Подпись: С. Морт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.